

Патракова Галина Васильевна

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 47-49. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Несмотря на то, что становление проблемы чувственности как философской проблемы началось уже в античной культуре, тем не менее, одной из актуальных проблем современной науки является исследование чувственности. Об этом свидетельствует уже тот факт, что само определение чувственности либо отсутствует во многих словарях, либо отождествляется с чувствительностью. Одна из наиболее распространенных трактовок понимает под чувственностью «способность к чувственному восприятию». Однако ни одно определение не учитывает того, что, анализируя чувственность нужно иметь в виду, что психофизиологические процессы протекают и зависят от социокультурного контекста. Например, сегодня составляются атласы, насчитывающие тысячи цветовых тонов, хотя строение глаза и биохимия сетчатки не изменились за период развития цивилизации, в тоже время число различаемых цветовых оттенков возросло. Также и запах не просто биологическое и психологическое явление. Ведь, как указывают К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт, «запах – феномен культурный, а значит социально-исторический. Запахи наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним». К исследованиям, рассматривающим запах как часть бытия человека, можно отнести и работу А. И. Костяева, где он указывает, что «необходимо рассматривать осмысление запахов в ракурсе культурной эволюции человека».

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 552 с.
2. **Васильев А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.** Цвет и названия в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. **Платон.** Тимей // Филеб, Государство, Тимей, Критий. М.: Мысль, 1999. 656 с.
4. **Рой К.** Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире // Психология цвета: сб. М.: Рефл-бук; Киев: Вакле, 1996. № 7. С. 46.
5. **Янышин П. В.** Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.

УДК 17

Галина Васильевна Патракова

Тюменский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ[©]

Философские проблемы управления являются одними из наиболее перспективных в современной философии. Это связано с тем, что в современном обществе управление превратилось в самостоятельный феномен культуры, независимый от отношений власти, которым раньше управление полностью подчинялось. Мало того, в современном обществе управление стало самостоятельным видом деятельности, появилась наука об управлении, а соответственно и понятие о "профессиональном управлении". Все это не могло не вызвать к жизни соответствующие философские исследования.

Кроме того, с управлением произошли весьма значительные трансформации, связанные со становлением информационного общества, глобализацией, демократизацией и либерализацией общественной жизни. В результате традиционные органы власти были заменены выборными, а символическое пространство общества стало ареной реализации различных манипуляций, нацеленных на поддержание управленческих стратегий.

В итоге, сложилась ситуация, когда в обществе отсутствует монополия на управление, сосредоточенная в руках одного лица или группы лиц, и как следствие влиять на социум ради реализации собственных целей может сразу несколько субъектов, что в значительной мере предопределяет те ограничения, которые существуют для каждого для них в отдельности. А это, в свою очередь, привело к тому, что перспективные стратегии управления практически повсеместно были заменены на событийные.

Управленческое действие, нацеленное на достижение цели управления, может осуществляться в разное количество этапов, и здесь можно выделить два типа управленческих стратегий. Можно говорить о перспективной управленческой стратегии, когда это управленческое действие осуществляется посредством определенной последовательности управленческих шагов, каждый из которых является развитием предшествующего шага и позволяет осуществить последующий. В свою очередь может осуществляться и событийная стратегия управления, когда все управленческое действие сводится к одному шагу, в ходе которого субъект управления желает полностью достигнуть цели управления. Преобладание перспективных или событийных стратегий также зависит от социокультурной ситуации, т.е. возможностей субъекта и свойств объекта управления.

Перспективные стратегии хорошо реализуются в условиях, когда субъект управления обладает монополией (или относительной монополией) на осуществление управления, когда он контролирует достаточное количество ресурсов управления для того, чтобы обеспечить общественную поддержку своим действиям. Иными словами, когда в его руках сосредоточено большинство инструментов насилия, манипуляции, убеждения и стимулирования в обществе, так как только в этом случае за первым шагом управления гарантировано можно осуществить второй, а альтернативные управленческие действия не изменяют ситуацию, в которой осуществляется управление.

Перспективные стратегии подразумевают последовательное воздействие на объект управления, в ходе которого он приводится в некоторое "должное" с точки зрения цели управления состояние, т.е. являются по преимуществу стратегиями управления структурными свойствами объекта. Их недостаток связан с невозможностью предусмотреть существующие в любых ситуациях "возмущающие" влияния среды, а также самоорганизацию самого объекта управления, который представляет собой самоуправляющуюся систему, способную трансформироваться под влиянием собственных интенций, вызванных управляющим воздействием.

Преобладание событийных стратегий происходит тогда, когда объект управления подвергается одновременно многим управляющим действиям со стороны разных субъектов, ставящих перед собой различные цели, и не существует однозначной монополии у какого-либо на осуществление воздействия с целью вызвать поддержку общества.

В случае осуществления событийных стратегий в большинстве случаев речь не может идти о нацеленной структурной трансформации объекта для проведения его в должное состояние, для этого чаще всего одномоментного воздействия просто недостаточно. Поэтому событийные стратегии реализуются, в основном, как стратегии управления социальными процессами, происходит перенаправление объективно протекающих в общественной системе процессов, чтобы их дальнейшее развитие привело к реализации целей управления. И в этом смысле подобные стратегии управления значительно ограничены реально существующими свойствами объекта, которые в той или иной мере определяют возможности выбора этого "должного" с точки зрения цели управления состояния объекта.

В результате событийные стратегии управления носят ярко выраженный синергетический характер, здесь речь может идти о "бифуркационном управлении" ("бифуркационном менеджменте" в терминологии В. В. Мельника [2]). Это связано с тем, что принципиальное различие между ситуацией, которая достигается в результате такого управления, и ситуацией, которая возникает без его осуществления, возможно только в том случае, если одномоментный акт управленческого воздействия совпадает с точкой бифуркации общественной системы, которая детерминирована внутренними процессами в самой системе. В противном случае управленческое воздействие не способно оказать большое влияние на систему в целом, хотя при этом и может изменить соотношение ее элементов.

Событийные стратегии, таким образом, весьма значительно зависят от процессов саморазвития и самоорганизации самой управляемой системы, что весьма серьезно ограничивает их возможности. В случае необходимости принципиальной модификации системы, вопреки логике ее саморазвития, они оказываются бесперспективными. В частности, такая ситуация наблюдается, когда социальная система вступает в глубокий внутренний кризис, а внутренние процессы ее эволюции ведут к коллапсу.

Нынешний экономический кризис в России продемонстрировал как раз невозможность путем проведения событийных стратегий преодолеть процесс внутреннего саморазрушения. Совершенно не зря, одни экономисты говорят о фактическом режиме "ручного управления экономикой", а другие - оправдывают такую управленческую практику. По сути своей, в нынешних социально-экономических условиях "ручное управление экономикой" – это как раз попытка проведения перспективных стратегий управления в условиях, когда событийные стратегии управления не могут принести необходимого результата.

Но, как уже отмечалось выше, возможности осуществления обеих вышеописанных стратегий определяются онтологическими характеристиками самого общества, а поэтому не безусловны. Осуществление перспективных стратегий управления в российском обществе наряду с событийными само по себе, возможно, обусловлено его переходным характером, тем, что процессы его социальной, экономической и политической модернизации пока не завершены, что позволяет обеспечить достаточную монополию управления, которая необходима для проведения в жизнь перспективных стратегий управления.

Обращаясь к этой проблеме, В. Е. Лепский пишет о необходимости преодоления тенденции, в соответствии с которой руководители предпочитают управлять, "выбирая из существующих альтернатив". "Анализ управленческой практики позволяет сделать вывод, что для руководителей типична ситуация "принятия решений" (выбора) в условиях отстраненности от процессов становления альтернатив. Эта ситуация, и ее психологические последствия ускользают, как правило, из поля зрения, как самих руководителей, так и лиц участвующих в обеспечении их деятельности. Фактически, имеет место редукция творчества к выбору. В процедурах выбора, несомненно, содержатся ключевые предпосылки свободы творчества, воли, совести. Однако нельзя не признавать ограниченность такой трактовки: ЛПР в большинстве случаев оказывается лишь косвенно вовлеченным в решение управленческих проблем, что отражается на принимаемых решениях (осознанность и прогнозирование последствий, учет этических норм и эталонов, защищенность от манипуляций и др.).

Название "лицо, принимающее решения" приобретает буквальный смысл: "принимающее решение", а не решающее управленческие проблемы. Другими словами, редукция творчества к выбору, влечет за собой редукцию субъекта управленческой деятельности к субъекту деятельности по выбору решений" [1, с. 16-17].

Проблема заключается в том, что ситуация эта носит не субъективный, а объективный характер, определяется не "недостатками" отдельных управленцев, а объективными свойствами общества, в котором эти управленцы вынуждены действовать.

Таким образом, можно констатировать, что дальнейшее развитие современного общества с его сложной системой коммуникаций и неизбежным в этой ситуации рассредоточением реального влияния на общество между множеством независимых центров сделает возможности осуществления перспективных стратегий управления еще более эфемерными.

Список литературы

1. **Лепский В. Е.** Эскиз субъектно-ориентированной концепции социального управления (на пути к воплощению идей постнеклассической науки) // На пути к постнеклассическим концепциям управления / под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 10–56.
2. **Мельник В. В.** Философия бифуркационного менеджмента. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 220 с.

УДК 330.83

Наталья Николаевна Русеева

Сыктывкарский государственный университет

ПРАВОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛОВНИКОВ, ОТРАЖЕННОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVII–XIX ВЕКОВ[©]

Известно, что половники в большей степени завесили от владельцев земель, где они селились. И наша задача выяснить, какие виды налогов обязаны были платить крестьяне-половники, и как это происходило: платил ли крестьянин сам, либо за него все необходимые налоги оплачивал держатель земель.

Как известно, правительство Петра I перешло от подворной системы обложения податями и повинностями к подушной. Материалы первой ревизии дают сведения о числе душ мужского пола, составляющих податное население. Если в первой четверти XVII в. черносошные крестьяне составляли 80% всех дворов, то в 1719 г. по числу душ - 56,3% [6].

В сословие государственных крестьян вошли черносошные крестьяне и половники Европейского Севера, «Сибирской губернии пашенные люди», татары и другие народы районов Поволжья и Приуралья [5, с. 27-32]. В итоге, государственные крестьяне составили большую группу сельского населения, придав феодальным отношениям в России отличительные особенности.

Социальные отношения, складывавшиеся на государственных землях Европейского Севера, были характерными для районов, где крестьяне владели и с разной степенью самостоятельности распоряжались землей. Переход от подворного к подушному обложению податями, подготовка и проведение первой ревизии и к преобразованию черносошных и ясажных в государственные, сопровождалось рядом указов. Так, 5 февраля 1722 г. [16] Петр I издал указ специально о посошных (т.е. черносошных) крестьянах и их половниках. На его основании сверх подушной восьмигривенной подати они были обложены добавочным денежным сбором в соответствии с размерами частновладельческого феодального оброка. Наиболее полно это нашло отражение в плакате 26 июня 1724 г. о сборе подушных денег [15] - дополнительного 40-копеечного обложения со всех категорий не помещичьих и не дворцовых крестьян. Примечательно, что именно в этом «плакате» впервые употреблен термин «государственные» крестьяне. При этом правительство исходило из того, что все земли, на которых проживают эти категории крестьян, принадлежат государству. В юридической форме государство заявило о своем праве собственника. За этим следовали практические действия: правительство стало запрещать крестьянам существовавшую ранее практику свободно распоряжаться землей. Указами 1651, 1663, 1690 гг., а затем 1751 и 1753 гг. такое запрещение было адресовано собственно черносошным крестьянам. Их положение как держателей казенной земли и плательщиков феодальной ренты налагало на них разнообразные правовые ограничения: крестьяне были связаны круговой порукой и находились под постоянным наблюдением местной государственной власти.

Материалы XVII-XVIII в. дают богатые сведения о переходе крестьян в половники в результате, прежде всего, их имущественного разорения [8, с. 167-168]. Например, Иван Максимов-Кобыльничков владел четвертью деревни Кобыльничково и имел до перехода в половники «двор и с дворовыми хоромы и с подворною землею». Но хозяйство приходило в упадок, и вскоре его «хоромы - изба старая да сеник на хлесте с перерубом и кругом с заплотом; да вне двора житница ветхая, да овин с гумном и с огоменником и всякою паханою и непаханою землею» [23].